

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-191-200>

О РУССКИХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ-СИНОНИМАХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО

**Валерий Михайлович
Мокиенко**

Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург, Россия, mokienko40@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Аннотация. В статье исследуется паремиологическое наследие В. И. Зимина, автора (совместно с А.С. Спириным) оригинального тезауруса русских пословиц и поговорок. Тематическая организация материала позволяет представить единицы этого малого жанра русского фольклора во всем их образном и структурном многообразии. Особую ценность представляют историко-этимологические интерпретации, предложенные В.И. Зиминим. Они демонстрируют как национальные, так и международные источники русской фразеологии и паремиологии. Методологически этимология фразеологических единиц уступает лексической этимологии, где исторические словари создавались уже в раннюю грамматическую эпоху, расшифровывая внутренние формы слов с алгебраической точностью. Поэтому проблемы исторической фразеологии относятся к числу наименее изученных и особенно актуальных. В этом отношении опыт В. И. Зимина и его соавтора имеет большое значение. Их историко-этимологическая интерпретация представляет собой два направления: поиск и идентификация самобытной русской национальной идентичности, одновременно с выявлением чего-то общеевропейского, а иногда и универсального, что отражено в «Словаре-тезаурусе русских пословиц, поговорок и метких выражений». Сама идеографическая структура этого справочника стимулирует лингвокультурные исследования русского языкового мировоззрения посредством фразеологии и паремиологии. Тематический охват каждого идеографического блока поразителен как в количественном, так и в качественном представлении.

В статье предлагается анализ тематического блока «Богатство», который включает в себя широкий спектр примеров русского малого фольклора на дихотомию «Бедность-Богатство», последовательно и оригинально семантизированных в доминирующую тематику. Материал, описанный в этой идеографической диаде, весьма разнообразен: он включает как классические пословицы, так и поговорки (соответственно, фразеологические единицы), многие из которых также предлагают оригинальную семантизацию. Исторические и этимологические объяснения, предложенные В.И. Зиминим и А.С. Спириным, имеют особое значение для лингвокультурных исследований.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, паремиология, лингвокультурология, историческая паремиология, паремиологический тезаурус В. И. Зимина и А. С. Спирина.

Для цитирования: Мокиенко В. М. О русских компаративных фразеологизмах-синонимах, характеризующих бедность и богатство // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 191–200. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-191-200>

Сведения об авторе: В. М. Мокиенко – доктор филологических наук, профессор филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9.

© Мокиенко В. М., 2026

Scientific Article

UDC 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-191-200>

ON RUSSIAN SYNONYMS OF COMPARATIVE PHRASES CHARACTERIZING POVERTY AND WEALTH

Valeriy M. Mokienko

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia, mokienko40@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Abstract. This article examines the paremiological heritage of V. I. Zimin, who co-authored with A. S. Spirin an original thesaurus of Russian proverbs and sayings. Thanks to the thematic arrangement of the material, it is possible to see the units of this small genre of Russian folklore in all their figurative and structural diversity. Of particular value are the historical and etymological interpretations proposed by V. I. Zimin. They demonstrate both national and international sources of Russian phraseology and paremiology. Methodologically, the etymology of phraseological units is inferior to lexical etymology, where historical dictionaries were created in the early grammatical era, deciphering the internal forms of words with algebraic precision. Therefore, the problems of historical phraseology are among the least studied and particularly relevant. In this regard, the experience of V. I. Zimin and his co-author is of great importance. Their historical and etymological interpretation presents two directions: the search for and identification of a distinctive Russian national identity, while simultaneously identifying something pan-European, and sometimes even universal, as reflected in the Dictionary-Thesaurus of Russian Proverbs, Sayings, and Apt Expressions. The very ideographic structure of this book stimulates linguacultural research into the Russian linguistic worldview through phraseology and paremiology. The thematic scope of each ideographic block is striking, both quantitatively and qualitatively. This article offers an analysis of the thematic block Wealth, which includes a wide range of examples of Russian small folklore within the framework of the dichotomy Poverty-Wealth, consistently and original semanticized within the dominant theme. The historical and etymological explanations offered by V. I. Zimin and A. S. Spirin are of particular importance for linguacultural studies.

Keywords: Proverbs, sayings, paremiology, linguoculturology, historical paremiology, the Paremiological thesaurus by V. I. Zimin and A. S. Spirin

For citation: Mokienko, VM 2026, 'On Russian synonyms of comparative phrases characterizing poverty and wealth', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 191–200, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-191-200> (in Russ.)

Information about the Author: *Valeriy M. Mokienko* – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Chair of Slavic Philology, Department of Philology, St. Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

© Mokienko V. M., 2026

Введение

III-и Зиминские чтения подтверждают жизненность научного наследия В. И. Зимина и перспективность его паремиологических задумок. Нам, его современникам, уже невозможно исследовать русскую фразеологию, не обращаясь к его трудам и не разделяя с ним его любви к этой всё еще молодой лингвистической дисциплине. Для лексикографов-русистов одним из неисчерпаемых источников исследовательских поисков остаются его словари, составленные им в соавторстве с собирателем-любителем А. С. Спириным и неустанно усовершенствованные и перерабатываемые им по мере новых переизданий [3, 4, 5].

И сейчас, «пристреливаясь» к теме своей статьи, я вновь погрузился в красочную мозаику этого паремиологического тезауруса. В нем каждый семантический блок организован как своеобразная картина русского образного мира. Причем этот мир предстает в синтезе прошлого и настоящего малых жанров русского фольклора. И даже – как это метко и означено в названии Зиминских Чтений – и будущего. Ибо в русской фразеологии и паремиологии есть еще немало проблем, которые продолжают оставаться *terra incognita*.

К таким проблемам относится историческая фразеология. Не секрет, что как в популярных справочниках по фразеологии и культуре русской речи, так и в солидных монографиях и словарях нередко излагаются недоказанные, народно-этимологические объяснения этимологии пословиц и поговорок, что порождает мнение о произвольности диахронической лингвистики. Методологически этимология фразеологизмов на этом фоне проигрывает этимологии лексической, где уже в младограмматическую эпоху создавались исторические словари, расшифровывающие внутреннюю форму слов с алгебраической точностью.

Исследование и результаты

В.И. Зимин с особым тщанием и энтузиазмом относился к диахронической ипостаси русской паремиологии. Именно его Н. М. Шанский призвал в свой лексикографический «триумvirат» по составлению «Школьного фразеологического словаря русского языка», в котором раскрывается история фразеологизмов [11]. В этом оригинальном словаре он не только расшифровывает собственно русские паремии, раскрывая их лингвокультурологическую и собственно языковую подоплёку, но и, будучи знатоком французского языка, приводит интернациональные параллели, которые подтверждали европейские связи многих из них. Такой подход Валентин Ильич назвал «пристрастным рассмотрением внутренней формы фразеологизмов» [2]. Эти две линии – поиски и выявление собственно национального, русского, и в то же время общеевропейского, а иногда – и общечеловеческого, универсального, можно проследить, вчитываясь в «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» [3]. Уже сама идеографическая структура этого справочника стимулирует лингвокультурологические зарисовки русской языковой картины мира в зеркале фразеологии и паремиологии. Тематический размах каждого идеографического блока поражает как количественной, так и качественной репрезентацией.

Типичен в этом плане блок «Достаток» [3, 142-155], включающий в себя самые разные образчики русского малого фольклора дихотомии «Бедность – Богатство», которые последовательно и оригинально семантизируются в настройке на доминантную тему. Материал, ставший объектом описания этой идеографической диады, весьма разнообразен. Львиную долю здесь составляют классические пословицы: *Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом; Бедность учит, а богатство портит; От нужды умнеют, от богатства дуреют; Нужда и голод выгонят на холод; Нужда жучит, нужда и учит; Голь на выдумки хитра; Сытый голодного не разумеет*. Ко многим из них даются лапидарные дефиниции: *Никто не ведает, как бедный обедает – Сытый и голодный по-разному проявляют себя; Люди пла-*

чут и от нужды и от богатства – Плохо, когда нет денег. Но бывает и так, что лишние деньги становятся причиной слез; Одна голова не бедна, а копь и бедна, так одна – Тяжело переживать нужду, когда много детей.

Обильно представлены здесь и поговорки (resp. фразеологизмы), ко многим из которых также предлагается оригинальная семантизация; *мал мала меньше; се- меро по лавкам бегают; хоть волком вой; хоть кричи караул; хоть головой об стенку бейся; хоть в петлю лезь; хоть камнем в омут (вниз головой); хоть в гроб ложись; кум королю, сват министру – О зазнайстве богатого; положить зубы на полку – Это и есть настоящий голод; голь перекатная – О том, кто в кабаках оставил все свое богатство.*

Для лингвокультурологии особо значимы историко-этимологические рас- шифровки, предлагаемые В. И. Зиминим и А. С. Спириным. Вот несколько из них:

Бедному жениться – и ночь коротка. Русские люди женились в основном осенью, когда кончались сельскохозяйственные работы. Осенью ночи уже длинные. Но даже длинной осенней ночи не хватало, чтобы бедному человеку обдумать житье- бытие после женитьбы: как жить дальше, чем детей кормить и т.п.

Дошли до мату, что нет ни хлеба, ни табаку. [Мат (перен. прост.) – безна- дежное, безвыходное положение].

Тут уж не до жиру, быть бы живу. [Не до богатства, не до роскоши, лишь бы выжить, иметь самое необходимое; это исконное выражение. *Жир* (устар.) в зна- чении 'пожива, добыча, богатство, имущество'. *Живу* (устар.) – форма дательного предикативного падежа, с середины XIXв. вытесненного творительным].

Сосать лапу [Жить очень бедно, впроголодь; это собственно русское выраже- ние. Первоначально – жить запасами. Медведи зимой в берлоге живут за счет жировых запасов и сосут лапу].

Сидеть на пице святого Антония; вкушать от пицы святого Антония [Голо- дать; это собственно русское выражение. Оно восходит к легенде о христианском от- шельнике Антонии Фивском (III – IV вв.), жившем в пустыне и питавшемся травами и кореньями].

Как было отмечено выше, В. И. Зимин, уделяя немалое внимание собственно русской народной фразеологии, воздавал должное и ее взаимодействию с европей- ской и точно диагностируя кальки. Здесь им были предложены важные дополнения к интерпретациям А. С. Спирина. Типичный пример – *выражение умеи свести кон- цы с концами* [свести/ сводить концы с концами – 'суметь/ уметь с трудом справ- ляться с трудностями, находить выход из трудного положения'; возможно, калька с франц. *joindre les deux bouts*. Концы в значении 'расход и доход'. Выражение счето- водческого, бухгалтерского происхождения].

Два фокуса историко-этимологической методики анализа легко проследить практически на всех типах фразеологических единиц, запечатленных в словаре В. И. Зимина и А. С. Спирина. Учитывая лимит места, очерченный организаторами конференции для публикации докладов, покажу это лишь на примере синонимич- ных устойчивых сравнений, попавших в орбиту идеографического блока «Бедность – Богатство». Количественно (19 фразеологизмов) они достаточно репрезентативны: *живёт, как кум королю; без денег, как без рук; бедный в нужде – как жаба в луже; бьётся, как рыба об лёд; колотится, как слепой козёл об ясли; пусто, как корова языком слизнула; будто Мамай войной прошёл; голодный, как волк; в долгу, как в шелку; в долгах, как в репьях; беден, как церковная крыса; гол, как сокол; гол, как осинный кол; гол, как сокол, а остёр как бритва; Гольий – что святой: беды не боится (не боится беды); Гольий – что святой: с него взятки гладки; одежда – как решето худое.* Лишь к нескольким из них составителями тезауруса предложены

историко-этимологическое комментарии, но сам набор этих компаративных единиц знаменателен.

Следуя примеру В. И. Зими́на, предложим их диахроническую расшифровку по оси «Своё – Чужое». Прозрачность их образа во многих случаях «подсказывает» (хотя и не всегда) либо их исконное происхождение, либо универсальность, обусловленную общими экстралингвистическими реалиями. Собственно, устойчивые сравнения, в отличие от фразеологизмов и паремий других структур, тяготеют к образной открытости, редко порождая обороты, квалифицированные В. В. Виноградовым как сращения. Устойчивые сравнения, извлеченные из собрания В. И. Зими́на и А. С. Спирина, – убедительное подтверждение этой закономерности. При этом даже, на первый взгляд, два оборота с ясной внутренней формой из нашего идеографического блока авторы словаря снабжают лапидарными историко-этимологическими комментариями:

Бьётся, как рыба об лёд [безуспешно старается сделать что-либо, добиться чего-либо; сравнение с рыбами, выброшенными на лед при ловле].

Гол, как сокол [о неимущем человеке; это собственно русское выражение. Вероятно, *сокол* – в значении 'таран' – стенобитное орудие, представляющее собой цельную гладкую болванку, закрепленную на цепях. Столь же вероятно, что сокол – пест, которым толкут что-либо в ступе].

Как видим, внимание составителей привлекли именно русские по происхождению компаративные фразеологизмы. Тем не менее, ареал первого из них можно расширить, ибо оно зафиксировано как в восточнославянских языках, так и в польском: *bićca jak ryba ab лёд* [6, 1, с. 84]; *укр. б'ється, як риба об (о) лід* [8, 4, с. 169]; *bije się jak ryba o lód; jak ryba na lodzie* [12 3, 104]. При этом, конечно, данное сравнение остается генетически русским, а не заимствованным.

Одним из значимых маркеров исконности фразеологизмов (особенно народных) является их рифмованная структура. В этом плане типично сравнение *гол как сокол*, попавшее в орбиту лексикографического интереса В. И. Зими́на и А. С. Спирина. Оно также достаточно древнее, ибо является общим для восточнославянских языков – ср. бел. *гол (ўгол) як сакол* [6, 1, с. 260], *укр. гол, як сокол* [8, т. 4, с. 28]. Составителями сборника предложена и этимологическая расшифровка:

Гол, как сокол [О неимущем человеке; это собственно русское выражение. Вероятно, *сокол* – в значении 'таран' – стенобитное орудие, представляющее собой цельную гладкую болванку, закрепленную на цепях. Столь же вероятно, что сокол – пест, которым толкут что-либо в ступе]. *Гол, как осинový кол. Гол, как сокол, а остёр как бритва*. О том, кто голым стал в результате бесконечных странствий:

Как видим, допускается два варианта возможной внутренней формы. При этом паремиологическая интуиция подсказывает общий для обеих интерпретаций *tertium comparationis* – «некий предмет, имеющий идеально гладкую поверхность». Не случайно при этом между двумя орнитологическими сравнениями с компонентом *сокол* составители словаря поместили и народное сравнение *гол, как осинový кол*. Оно, видимо, стало имплицитным подтверждением их этимологии.

Это рифмованное сравнение давно уже вызывает интерес фразеологов и любителей русского образного слова. Несмотря на достаточно прозрачную образность, рифмовка сокола и прил. гол вызывает ореол этимологической неразгаданности. Почему именно сокол характеризуется таким прилагательным, а не какая-либо другая птица?

Вот далеко не однозначные ответы на этот вопрос: ¹.

1. *Сокол* здесь – старинное стенобитное орудие из чугуна или железа в форме длинного и толстого бревна или бревно, окованное металлом. Его навешивали

на железных цепях и, раскачивая, прошибали им самые прочные крепостные ворота и каменные стены. Поверхность сокола была гладкой, «голой». Название *сокол* получили и некоторые рабочие инструменты, имеющие ровную цилиндрическую поверхность: большие ручные железные ломы, трамбовочные «бабы» и песты для растирания зерна в ступе.

2. В средневековье *соколом* (пол. *sokoł*) называли пушку, стрелявшую шести-фунтовыми ядрами. Название «*сокол*» – буквальный перевод французского военного термина *fauson*, обозначающего именно такие орудия-фоконы. Однофунтовая же пушка называлась *фальконетом*, что в переводе с итальянского значит ‘соколик’. На активную употребительность данного оборота, включающего в свой состав название шестифунтовой пушки, повлияла фольклорная символика. Только тем, что представление о молодцеватом, отважном и потому в какой-то мере беспечном *соколе* очень популярно в русском фольклоре и живой речи, и можно объяснить популярность сравнения *гол как сокол*. Рифма и народный образный фон обеспечили сохранность этого древнего восточно- и южнославянского фразеологического историзма.

3. Возможно, что в средние века слово *сокол* актуализировалось под влиянием фр. фокон (*fauson*), буквально означающего ‘сокол’, а терминологически – ‘гладкоствольная пушка’, что находит параллели в некоторых других славянских языках (напр., болгарском).

4. Возможно и другое толкование этой поговорки. Не правильнее ли ее произносить *Гол как сукол? Суколом* назывались в крестьянстве пары тесно сближенных кольев, которые поддерживают частокол, плетень, изгородь. Осенью, когда полевые ограды разрушаются, на полях остаются торчать только «*голые суколы*»; их грустный, сиротливый вид и впрямь мог легко сделать их образом печальной наготы – характеристики человека крайне бедного, не имеющего «*ни кола, ни двора*». Ср. народн. *Дом гол что кол, никакой удобы* (т.е. удобств); смол. *сукол* ‘место соединения двух кольев забора’, новосиб. ‘попарно связанные колья изгороди’; новг. *суколки* ‘приспособление из соединенных вместе кольев для сушки; яросл. *суколья* ‘попарно связанные колья в изгороди’.

5. Устойчивое сравнение могло быть создано по структурно-семантической модели «голый (бедный) + как + птица = очень бедный», которая актуальна в украинско-белорусско-русско-болгарско-македонском ареале. Ср. бел. *гол як сакол*; укр. (1864) *гол як сокол, голый як соколик*; болг. *гол като сокол*; макед. *гол како сокол*; укр. *бідний як горобець безперий*; в.-луж. *chuda kažwóna na sněhash*; болг. *гол като сокол*; словен. *gol ko ptič* и лит. *plikas kaip tilvikas* (букв. голый как болотный кулик).

6. В качестве второго компонента выражения *гол как сокол* можно усматривать название птицы *Falco*. Первый компонент выражения *голый* имеет здесь значение ‘ясный, светлый, чистый’, ср. рус. диал. голый «белый, неокрашенный, без рисунка (о материале)»: «Адна лента *голая*». В XVIII в. отмечается модификация выражения *гол как сокол* – *чист как сокол* ‘о человеке очень бедном, ничего не имеющем’: «Соловья баснями не кормят, и который господин *чист, как сокол*, у того не весело слугам бывает» (Лукин, Награжденное постоянство). Переход значений ‘чистый’ < ‘ясный, светлый’ вполне закономерен. Возможно также, что голый сокол – это сокол, не имеющий украшений – хохолка, косматости лап и т. д. Наличие хохолка – уже признак зажиточности, богатства – ср. франц. *huppé, -e adj.* ‘хохлатый’ и разг. ‘зжиточный, богатый, знатный, высокопоставленный; шикарный’. Так же и наличие косматости – признак богатства, ср. рус. диал. *мохнатый* «богатый», польск. *kosmaty* ‘косматый, лохматый’. Характер оперения (у птицы перен. человека) также свидетельствует о бедности – богатстве. Существует русская поговорка *видно птицу по перу*, ср. укр. *видно птаху по пір’ю*, чеш. *ptáka poznáš po peří* «вид-

но птицу по полету». *Вобраться (войти) в перья* – «разбогатеть, начать жить благополучно, зажиточно»: «Как старчиха хадила, а шшяс ў перья войшла».

7. Выражение образовалось эллипсисом пословицы *Гол как сокол, а остёр как бритва*.

Сопоставляя эти разные расшифровки внутренней формы нашего фразеологизма, некоторые из них можно определенно исключить. Такова, например, последняя версия, объясняющая сравнение «эллипсисом пословицы», – тем более, что предложенный развернутый вариант – не пословица, а лишь эксплицированная разновидность того же сравнения. Не случайно такого варианта нет ни в восточнославянских языках, ни в приведенных болгарских, македонских и сербских параллелях. Это – лишь русский пословичный вариант простого сравнения *гол как сокол*.

Семантически не подходит и объяснение оборота на основе диалектного *сукол*: ведь оно обозначает не оголенные колья, а, наоборот, – ‘место соединения двух кольев забора’.

Более или менее доказуемыми, следовательно, остаются две версии: «пушечная» (resp. «фольконная») и «птичья». Пожалуй, чаша весов все-таки склоняется к орнитологическому объяснению нашего выражения. Оно имплицитно, возможно, подкрепляется известным образом из «Слова о полку Игореве», где Святослав Всеволодович в своем «златом слове» уподобляет себя «соколу в мытех», который высоко птиц взбивает и не дает гнезда своего в обиду. Сокол в мытех – это сокол в возрасте (ср. в летах, в годах), ибо возраст ловчего сокола считали по количеству мытей, т.е. линек, как возраст человека по годам. Следовательно, *гол как сокол* первоначально могло значить птицу в период линьки. Ср. народн. *перемытиться* ‘перелинять (о ловчих птицах)’ [10, т. 26, с. 170]; *розмыт, розмыть* – «в проф. речи – ловчая птица в возрасте двух лет (перелинявшая один раз на воле)»; якут. (1901) *птица упала* ‘птица вылиняла и стала бескрылой’ [10, т. 47, С. 239] и т.п. Ср. также устаревший вариант сравнения *чист как сокол*, известный уже в XVIII в.

К большинству устойчивых сравнений, приведенных В. И. Зиминим и А. С. Спириным в избранном тематическом блоке, можно предложить ареальную, вариантную и семантическую характеристику. Большинство из них являются собственно русскими, зафиксированными в разных регионах страны, что подтверждается надежными диалектными источниками.

Так, шутливое выражение *жить как кум королю* ‘о чьей-л. обеспеченной, сытой и привольной жизни’ зафиксировано как в разговорной речи, так и в архангельских, орловских и псковских говорах, а в кубанских – и в варианте *(жить) как кум королю и сват министру*².

Народная компаративная пословица *Бедный в нужде – как жаба в луже* записана в форме *Бедной в нуже (нужде) что жаба в луже* ‘Бедные люди приспособляются к нужде’ записана уже в XVII в. и включена в сборник пословиц В. И. Далем.

Сравнение *биться (колотиться) как [слепой] козёл об ясли* (в пустые ясли) также известно с XVIII в. в разных вариантах и зафиксировано как в народной речи, так и в псковских, ярославских говорах в двух значениях – ‘о человеке, прилагающем (часто безуспешно) чрезмерные усилия к преодолению трудностей, мучений’, ‘о человеке, беспомощно и вслепую тыкающемся во что-л., пытающемся отыскать что-л.’. О народном происхождении свидетельствуют и обороты с хорошо известными домашними или дикими животными – как, напр., пусто, *как корова языком слизнула или голодный, как волк*. При этом именно их прозрачная для многих народов образность может свидетельствовать как об исконности, так и универсальности подобных сравнений. Ср. бел. *галодны як воўк*, укр. *голодний як вовк*, пол. *głodny jak wilk*, чеш. *hladový jako vlk*, англ. *hungry as a wolf*, фр. *il a une faim de loup*, нем. *hungrig wie ein Wolf* и др. В каждом языке при этом можно найти и выражения с этим образом,

имеющими собственную историко-этимологическую интерпретацию – напр. нем. *einen Wolfshunger haben* ‘о волчьем аппетите’.

Для некоторых сравнений уже сама рифмованная структура является характеристикой исконного происхождения. Таковы обороты *в долгу как в шелку* и *в долгах, как в репьях*, характеризующих завязшего в долгах человека. Первое известно и в разговорной речи, и в поморских и прибайкальских говорах, второе – в народной речи и волгоградских говорах и русских говорах в республике Коми.

Маркером исконности может служить и конкретный исторический факт, запечатленный во фразеологии. Таково сравнение *будто Мамай войной прошёл*, отразившее хорошо известное событие. Мамай – жестокий татарский хан, совершивший несколько разорительных набегов на Русь (с 1361 г.) и разбитый наголову в битве на Куликовом поле (1380 г.), которую назвали *Мамаевым побоищем*, т. е. «разгромом Мамаея». Победа на Куликовом поле стала заключительным и решающим этапом освобождения Руси от татаро-монгольского ига. Она оставила и глубокий след в нашем языке – ср. варианты сравнения: *где пусто словно Мамай прошёл*; *арх. где буде Мамай воевал*; *где словно (будто) Мамай войной (с войной, со своей силой) шёл (прошёл)*; *где как (словно, как будто) после [Мамаева] побоища* или *яроsl. как Мамай побрал что* ‘о полном отсутствии, исчезновении чего-л.’.

Понятно, что в коллекцию сравнений В. И. Зимина и А. С. Спирина о бедности и богатстве закономерно вошли и выражения, проникшие в русский язык в виде калек. Характерно, что на первое место в рубрике «БЕДНОСТЬ» составители этого тезауруса поставили оборот *беден, как церковная крыса*. Действительно, для русскоговорящих первое сравнение, которое приходит на ум при характеристике бедного человека, это – церковная крыса или церковная мышь. При этом, судя по всему, оно является калькой с французского (ср. *gueux (pauvre) comme un rat d'église*) или немецкого (ср. *arm wie Kirchenmaus*) языков, проникшей в русский в XVIII в. Не случайно оно фиксируется в шутливо-ироническом варианте *богат как церковная мышь* «Писмовнике» Н. Г. Курганова 1777 г. [с. 106 – 9, т. 13, с. 104]. Любопытно при этом, что В. И. Зимин и А. С. Спирин включили в сборник лишь вариант с образом более крупного грызуна, вероятно, чтобы усилить экспрессивность этого сравнения. Тем самым и представление о крайней бедности получило особую выразительность и отрицательную образность, подчеркивая универсальность этого бедственного для человечества концепта.

Заключение

Как видим, даже в одной тематической рубрике паремиологического тезауруса В. И. Зимина и А. С. Спирина отразилась «как в капле малых вод» их уникальная лексикологическая идея и любовь к русской народной речи. А настоящее и будущее русистики и филологии невозможно без кропотливого сбора и расшифровки многоярусного «кода культуры», заключённого в пословицах и поговорках. Вот почему многолетние паремиологические изыскания, раскрывающие самые заветные загадки русской фразеологии, для Валентина Ильича Зимина стали делом всей долгой творческой жизни.

Примечания

1. Более детальные ссылки на источники некоторых этимологических версий и данные русских диалектных словарей см.: [1, 654].
2. Более детальные ссылки на источники диалектных выражений см.: [7]

Список источников и литературы

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. /СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина. Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926. [2] с.
2. Зимин В. И. О пользе пристрастного рассмотрения внутренней формы фразеологизмов // Информационный потенциал слова и фразеологизма. Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора Р. Н. Попова (к 80-летию со дня рождения). Орёл, 19-21 ноября 2005 года. Сборник научных статей. Орёл, 2005. С. 61-70.
3. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 736 с.
4. Зимин В. И., Спириин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. М: «Сюита», 1996. 544 с.
5. Зимин В. И., Спириин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. Изд. 3-е, стереотипное. Ростов н/Дону: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2006. 544 с.
6. *Liepiešai, I. Ja* 1993. Fraziealagičny sloŭnik bielaruskaj movy (Phraseological dictionary of the Belarusian language), vol. 1 (A-L), vol. 2 (M-Ya), Bielaruskaja Encyklapiedyja publ, Minsk. (In Bel.)
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений. Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.
8. Пазяк М.М. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. Т. 4. Упорядник М.М. Пазяк. К.: Наукова думка, 2001. 392 с.
9. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1-23. Л. (СПб): Наука, 1984-2019. (издание продолжается).
10. Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Главный редактор С.А. Мызников. Вып. 1–53. Л.–СПб, 1965–2025. (издание продолжается)
11. Шанский, Зимин, Филиппов 1997: Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. Значение и происхождение словосочетаний. 2-е изд. М.: издательский дом «Дрофа», изд-во «Русский язык», 1997. 367 с.
12. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1-4. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1969-1978

References

1. Birikh, AK, Mokienko, VM & Stepanova, LI 2005, *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologičeskij slovar. Okolo 6000 frazeologizmov* (Russian phraseology. Historical and etymological dictionary. About 6000 phrases), ed. V. M. Mokienko, Astrel publ, AST publ, Lyux publ, Moscow. (In Russ.)
2. Zimin, VI 2005, 'O polze pristrastnogo rassmotreniya vnutrenney formy frazeologizmov' (On the benefits of biased consideration of the internal form of phraseological units), *Informatsionnyy potentsial slova i frazeologizma. Mezhdunarodnaya nauchno-praktičeskaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati professora R. N. Popova (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* (Information Potential of Words and Phraseological units. International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Professor R. N. Popov (on the 80th Anniversary of His Birth), Orel, 19-21 November 2005, pp. 61-70. (In Russ.)
3. Zimin, VI 2009, *Slovar-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* (The Dictionary-Thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions), AST-PRESS KNIGA publ, Moscow. (In Russ.)
4. Zimin, VI & Spirin, AS 1996, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* (Proverbs and sayings of the Russian people), Syuita publ, Moscow. (In Russ.)

5. Zimin, VI. & Spirin AS 2006, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Bolshoy obyasnitelnyy slovar* (Proverbs and sayings of the Russian people. Large explanatory dictionary), Feniks publ, Rostov-on-Don, Tsitadel-treyd publ, Moscow. (In Russ.)
6. Liepiešai, IJa 1993. *Frazealahičny slovník bielaruskaj movy* (Phraseological dictionary of the Belarusian language), vol. 1 (A-L), vol. 2 (M-Ya), Bielaruskaja Encykłapiedyja publ, Minsk. (In Bel.)
7. Mokienko, VM & Nikitina, TG 2008, *Bolshoy slovar russkikh sravneniy. Boleye 45 000 obraznykh vyrazheniy* (Large dictionary of Russian similes. More than 45.000 figurative expressions), ed. V. M. Mokienko, ZAO «OLMA Media Grupp» publ, Moscow. (In Russ.)
8. Pazyak, MM 2001, *Ukrayinsjki prysliv'ya, prykazky ta porivnyannya z literaturnykh pam'yatok* (Ukrainian proverbs, sayings and comparisons from literary monuments), vol. 4, comp. by M.M. Pazyak, Naukova Dumka publ, Kyiv. (In Ukr.)
9. *Slovar russkogo yazyka XVIII v.* (18th century dictionary of the Russian language) 1984-2019, issues 1-23, Nauka publ, Leningrad, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Filin, FP, Sorokoletov, FP & Myznikov, SA 1965–2025, *Slovar russkikh narodnykh govorov* (Dictionary of Russian Folk Dialects), issues 1–53, Leningrad, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Shanskiy, NM, Zimin, VI & Filippov, AV 1997, *Shkolnyy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka. Znachenije i proiskhozhdenije slovosochetaniy* (School phraseological dictionary of the Russian language. Meaning and origin of phrases), izdatelskiy dom «Drofa» publ, Moscow. (In Russ.)
12. *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich* 1969-1978, vols. 1-4, ed. Ju. Krzyżanowski, Państwowy instytut wydawniczy publ, Warsaw. (In Pol.)

Статья поступила в редакцию: 13.03.2026
Одобрена после рецензирования: 13.04.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 13.03.2026
Approved after reviewing: 13.04.2026
Accepted for publication: 08.06.2026